

Текст-описание как «нулевая степень рассказа»

И. В. Кузнецов

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Аннотация. Повествование и суждение как разновидности речи и текста представляют собой два параллельных способа развертывания допредикативного содержания внутренней речи. Однако в традиционных научных и прикладных классификациях выделяется три таких разновидности: повествование, рассуждение и описание. Остается неясным системное положение текста-описания, важность которого особенно очевидна при изучении произведений художественной литературы. В статье предлагается рассматривать описание как бессобытийную разновидность речи, в этом качестве противостоящую событийным нарративу и ментативу. Кроме того, описание эйдетично, в противовес логичным нарративу и ментативу. Такая тройная оппозиция имеет асимметричный характер. Бессобытийность описания дает основание отграничить его от экфрасиса, всегда несущего элемент событийности. Описание выступает как «нулевая степень рассказа», как «иное», относительно которого полагают себя иные способы построения речи и текста.

Ключевые слова: речь, текст, описание, асимметричная оппозиция, экфрасис, статика, бессобытийность, эйдетичность.

УДК 80

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-143-151

Кузнецов И. В. Текст-описание как «нулевая степень рассказа» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 143–151.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2020. № 1
© И. В. Кузнецов, 2020

Контактная информация: Кузнецов Илья Владимирович, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры истории театра, литературы и музыки Новосибирского государственного театрального института (ул. Революции, 6, Новосибирск, 630099, Россия, eliah2001@mail.ru)

Недавно в статье «Понятие как “мотив” теоретического дискурса» [Кузнецов, 2019] мы рассматривали возможность интерпретации мотива и понятия как двух параллельных способов оформления допредикативного содержания внутренней речи. Мы отмечали, что в формальной школе поэтики 1920-х гг., у Бориса Томашевского, понимание темы как атома содержания сопровождалось констатацией возможности двух путей «расположения» (*dispositio*, если вспомнить классическую риторiku) тематических элементов: сюжетно-фабульного, основанного на причинно-временной связи, и бесфабульного. Напомним формулировку ученого: «В расположении тематических элементов наблюдаются два важнейших типа: 1) причинно-временная связь между вводимым тематическим материалом; 2) одновременность излагаемого или иная сменность тем без внутренней причинной связанности излагаемого. В первом случае мы имеем произведения фабульные <...>, во втором – произведения бесфабульные» [Томашевский, 1927, с. 134]. На втором пути, по Томашевскому, возникают лирические произведения, и он же порождает теоретические рассуждения.

Тогда мы предположили, что «понятия соединяются в суждения точно так же, как мотивы “снуются”, по выражению Веселовского, в сюжеты» [Кузнецов, 2019, с. 83]. И в качестве параллельных путей оформления содержания выступают так обыкновенно называемые «повествование» и «рассуждение», или, в научном языке школы коммуникативной филологии, нарратив и ментатив [Тюпа, 2016; Максимова, 2005]. Других путей, по всей видимости, не предполагается. И это естественно, когда мы опираемся на рационалистическое представление о субстанции, в котором интеллигибельны лишь два ее атрибута – протяженность и мышление. Так, у Спинозы: «Мышление составляет атрибут Бога. <...> Протяженность составляет атрибут Бога» [1911, с. 65–66]. А другие атрибуты, по Спинозе, хотя и бесконечно вероятны, однако для человека непостижимы. Сообразуясь с таким взглядом, мы можем выделить только два типа референции и две разновидности текста, а именно уже названные выше нарратив и ментатив.

Однако используемая сегодня практически ориентированная типология монологической речи по функционально-смысловым признакам включает три разновидности: *повествование*, *описание* и *рассуждение* [Трошева, 2014]. Эта типология со времени ее установления в 1970-е гг. в работе Ольги Нечаевой [1974] вызывала множество справедливых нареканий, но

для изучения произведений художественной литературы она продолжает оставаться удобной, о чем свидетельствует ее продолжающееся использование в учебниках по теории литературы и литературоведению [Хализев, 1999; Теория литературы, 2004; Введение..., 2000]. Так, Валентин Хализев рассматривал повествование как базовую модальность, подчиняющую себе две другие. «В более широком значении повествование включает в себя также *описания*, т. е. воссоздание посредством слов чего-то устойчивого, стабильного или вовсе неподвижного <...>. Подобным же образом в повествовательную ткань входят авторские *рассуждения*» [Хализев, 1999, с. 299]. Натан Тамарченко в составе триады «композиционных форм прозаической речи» [Теория литературы, 2004, т. 1, с. 227] называл повествование, описание и «характеристику», которая применительно к специальным задачам поэтики вытеснила в этой типологии более привычное для общей теории словесности «рассуждение». Впрочем, Елена Себина в учебнике под редакцией Лилии Чернец отнесла «характеристику» к разновидности описания, отметив при этом «условность и размытость границ между *описанием* и *повествованием*, между *характеристикой* (частный вид описания) и *рассуждением* (курсив автора. – *И. К.*)» [Введение..., 2000, с. 221]. Отсылаясь к «Словарю древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова, автор так устанавливает содержание понятий: «Описание связывалось с изображением предметов (в широком смысле слова), их внешнего вида и внутренних качеств. К последним относились душевные переживания, нравственные состояния; они назывались *характеристиками*, составляя подвид описания» [Там же]. Так или иначе, триада «повествование – описание – рассуждение» прочно утвердилась в литературоведческом языке, а также и в методике средней школы.

Сопоставляя два пути разворачивания содержания (фабульный и бесфабульный, по Томашевскому), с одной стороны, и триаду форм, или типов, речи и текста, с другой, мы видим, что на их стыке остается непроясненным место и, следовательно, элементарный состав текста-описания, составляющего значительный объем текстов культуры, особенно художественных текстов. Фрагменты описательного характера разворачивались в тематически и риторически организованные периоды и так приобретали текстовую самостоятельность уже в древности: классическим примером является описание щита Ахилла в «Илиаде» Гомера, которое в анализе Лессинга [1957] создало предмет для изучения современной риторикой приема экфрасиса. А создатель функционально-смысловой типологии монологической речи Ольга Нечаева, анализируя научное словоупотребление с XIX в., даже пришла к выводу, что «описание в большинстве случаев осознается как *литературоведческое* понятие, связанное с *художественным* изображением. <...> Практически описание более широко представлено в типических формах именно в *художественной* речи (курсив везде наш. – *И. К.*)» [Нечаева, 1974, с. 35].

В поиске места описания в системной типологии речи и текста кажется естественной попытка умозрительно представить его как третий способ развертывания содержания, наряду с «фабульным» повествованием и «бесфабульным» рассуждением. Но бинарный характер оппозиции «фабульности» и «бесфабульности» не оставляет места для гипотетического нового члена. А с другой стороны, в функционально-смысловой типологии Ольги Нечаевой описание и повествование неявно сближаются между собой по общности хронологической референции, в противовес «каузальной» референции рассуждения: «Логической основой описания, повествования и рассуждения являются мыслительные процессы, при которых формирующиеся суждения объединяются между собой в синхронические, диахронические и причинно-следственные логемы» [Нечаева, 1974, с. 23]. Противопоставлены же они между собой по признаку статики или динамики соответственно: «По своему значению, структуре и модальности повествование с его динамичностью противопоставлено статичному описанию» [Там же, с. 145]. Аналогично мыслил Жерар Женетт: «Повествование занято поступками или событиями как чистыми процессами <...>; описание же, наоборот <...>, словно приостанавливает ход времени» [1998, с. 291]. Зато это противопоставление утверждает общность хронологической референции описания и повествования, в отличие от рассуждения.

Конечно, за этим противоположением стоит верная интуиция, относящаяся к самому существу дела. Но с точки зрения коммуникативной теории речи и текста представляется более уместным говорить не о статичности и динамичности, а о *событийности и бессобытийности*. И тогда уместно соотносить описание не с «повествованием» и «рассуждением», сохраняющими теоретическую неустойчивость, а с нарративом и ментативом. Описание как тип речи, взятый в его абстрактном, так сказать, дистиллированном качестве, по-видимому, бессобытийно. В противоположность описанию, как нарратив, так и ментатив событийны, что и составляет их способность осуществлять содержание в собственно гуманитарной модальности. «Нарратив – это двоякособытийный повествовательный дискурс» [Тюпа, 2016, с. 59], – определяет Валерий Тюпа, вслед за Михаилом Бахтиным имея в виду, что нарратив соединяет «событие рассказа» и «рассказанное событие». Ментатив именно в этом отношении оказывается ему подобен: как пишет Наталия Максимова, «нарратив и ментатив <...> характеризуются принципиальной возможностью взаимодействия референциального и коммуникативного начал» [Максимова, 2005, с. 110].

Как видно, не удастся найти единого признака, по которому отличались бы друг от друга описание, повествование и рассуждение. Но мы можем по-другому увидеть дело, если, во-первых, займем коммуникативную позицию, во-вторых, представим себе эту типологию речи и текста как заведомо асимметричную. Два типа речи и текста отличаются от третьего,

а именно описания, по иным основаниям, чем те, которыми они отличаются друг от друга. Используя известную фигуру речи Ролана Барта, скажем, что номотетическое описание может быть понято как «нулевая степень рассказа»: это текст назывного, констатирующего характера, сам по себе лишенный событийности. Однако он является тем субстратом, по отношению к которому оказываются возможны и хронотопическая событийность нарратива, и логическая событийность ментатива. Таким образом, три разновидности речи и текста оказываются соединены в систему с асимметричной связью, где одна разновидность выступает как фундамент и скрепляющее начало, а две другие – как способы развития материала.

Для наглядности представления характеризуемой модели мы позволим себе прибегнуть к сравнению. В электрических системах теоретически мыслится двоякая полярность зарядов: так называемые «положительный» и «отрицательный» полюса. Однако их полярность уравнивается третьим компонентом системы – так называемой «землей», или защитным нулем. При наличии движущей силы в системе полюса образуют динамический контур, а «земля» выполняет роль статического конденсатора. Аналогично этому повествование и рассуждение осуществляют динамику развертывания содержания, тогда как описание – это статический «ноль», в который периодически уходят, «заземляются» избытки движущегося материала.

Состав предложенной модели побуждает уточнить границу между номотетическим описанием, рассмотренным выше, и экфрасисом, в котором присутствует специфический элемент событийности. Такое уточнение целесообразно, потому что даже у авторов «Теории литературы» под редакцией Натана Тмарченко понятия «экфрасис» и «описание» до известной степени сливаются. Ср.: «С точки зрения композиционных форм высказывания миниатюра Бунина представляет собой развернутое статичное описание жизненной ситуации (экфрасис)» [Теория литературы, 2004, т. 1, с. 35]. В противовес такому слиянию Юрий Шатин считает, что экфрасис занимает «промежуточное положение между описанием и повествованием, одновременно управляет как пространственным, так и временным аспектами» [2004, с. 221]. В другом месте статьи ученый акцентирует иную сторону специфики предмета: экфрасис, пишет он, «не изобразителен, а референциален, поскольку сокращает дистанцию между различными семиотическими сущностями и включает в изображенный мир картины эксплицированную точку зрения созерцающего субъекта» [Там же, с. 218].

Последнее замечание представляется наиболее важным. Ведь промежуточность между статикой описания и динамикой повествования – это скорее эффект восприятия экфрасиса, тогда как сущностная специфика связана с его коммуникативной природой. Действительно, экфрасис – это не простое констатирующее описание. Это описание предмета, в своем статусе артефакта обладающего заведомой знаковостью. Поэтому экфрасис по

своей природе диалогичен: семантика описываемого артефакта становится инициальным тезисом, по отношению к которому формируется приращение смысла интерпретатором («созерцающим субъектом»), находящимся заведомо в ответной позиции.

Что же касается описания как такового, взятого в номотетическом качестве, то его предметная сфера на поверку оказывается невелика. Последовательно исключая из нее всякие предметы, обладающие исходной семиотичностью, мы будем вынуждены оставить лишь назывные и близкие к ним конструкции, указывающие на феномены природного ряда: ведь природа, по Лессингу, а за ним и по Гегелю, не тема для искусства, ибо в ней нет души и идеала, ее изображение «лишено жизни» [Лессинг, 1957, с. 203]. И то эти феномены придется абстрагировать от ближайшего и дальнейшего культурного контекста, потому что строки *Свет ночной, ночные тени, тени без конца...* – это уже не чистое статическое описание. Оно, во-первых, обладает внутренней динамикой за счет градации. Во-вторых, оно подготовлено ночными пейзажами живописи эпохи романтизма, так что сема «таинство ночи» оказывается имплицитована в тексте, и недостает только рамки для возникновения эффекта «сводного экфрасиса» [Яценко, 2011, с. 51]. А если переместиться ближе к нашей эпохе и всерьез воспринять эпатажный тезис Дональда Джадда, что *если кто-то называет это искусством, значит, это искусство*, – тогда в любом описании промышленной конструкции можно будет усмотреть экфраситичность, поскольку оно потенциально отсылает к авангардистскому интерьеру, сценографии, вообще артефакту. Сегодня, у Мишеля Нике [2002] и Елены Яценко [2011], такое явление, похожее на аллюзию, получило название «немиметический нулевой экфразис»: он «содержит указание на смысловой историко-культурный модус визуального артефакта» [Яценко, 2011, с. 49].

Автор формулировки «нулевая степень письма» Ролан Барт так высказывался о своем предмете: «Письмо в этом случае сводится к своего рода негативному модусу, где все социальные и мифологические черты языка уничтожаются, уступая место нейтральной и инертной форме» [2008, с. 105]. В сущности, речь идет о конструкте недиалогического слова, которое Барт хотел увидеть в «Постороннем» Альбера Камю. Впрочем, сам же Барт характеризовал такое «белое письмо» как «лингвистическую утопию», потому что функциональность формы динамична, и нельзя, выражаясь поэтическим языком, остановить мгновение ее нейтральности. Так и «описание в чистом виде» является скорее филологическим конструктом: на практике оно, даже вне коммуникативного контекста, обыкновенно содержит элементы повествования или характеристики.

Тем не менее описание существует как условный полюс внекоммуникативности, внесобытийности, устанавливаемый при анализе конкретного текста в соотнесении с его нарративным, ментативным, экфраситическим

содержанием. Констатируя теоретическую самобытность описания, мы пока не ставим вопроса о его элементах, подобных «мотиву» и «понятию», выделенных для нарратива и ментатива. В духе формальной школы можно утверждать, что это темы, и специально рассматривать тематические особенности описания. Но, с другой стороны, событийная динамика нарратива и ментатива по отношению к покоящейся статике описания составляет диалектическую противоположность. За этими речетекстовыми модальностями видны эйдос и логос как способы осуществления смысла. «Эйдос созерцается в своем простом единстве; логос же получает свое значение только как соединение и объединение многих моментов» [Лосев, 1993, с. 703]. Эйдетическая природа описания предполагает иной подход к выделению «моментов», подобных логически сообразным мотиву и понятию, для этой разновидности речи и текста.

Список литературы

- Барт Р.* Нулевая степень письма. М., 2008. 431 с.
- Введение в литературоведение: литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л. Чернец. М., 2000. 556 с.
- Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. М., 1998. Т. 1. 470 с.
- Кузнецов И. В.* Понятие как «мотив» теоретического дискурса // Сюжетология и сюжетология. 2019. № 1. С. 80–86.
- Лессинг Г. Э.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957. 517 с.
- Лосев А. Ф.* Бытие – имя – космос. М., 1993. 958 с.
- Максимова Н. В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М., 2005. 317 с.
- Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974. 261 с.
- Нике М.* Типология экфрасиса в «Жизни Клим Самгина» М. Горького // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 123–134.
- Спиноза Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке. М., 1911. 384 с.
- Теория литературы: Учеб. пособие: В 2 т. / Под ред. Н. Тмарченко. М., 2004.
- Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.; Л., 1927. 235 с.
- Трошева Т. Б.* Функционально-смысловые типы речи // Эффективное речевое общение: базовые компетенции. Словарь-справочник. Электронное издание. Красноярск, 2014. С. 726–727.
- Тюпа В. И.* Введение в сравнительную нарратологию. М., 2016. 145 с.
- Хализев В. Е.* Теория литературы. М., 1999. 398 с.
- Шатин Ю. В.* Ожившие картины: экфразис и диегезис // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 217–226.

Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...» Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.

Article metadata

Title: Text-Description as “Zero Degree of a Story”

Author: I. V. Kuznetsov

Author’s e-mail: eliah2001@mail.ru

Author’s affiliation: Novosibirsk State Theatric Institute (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. Narration and reasoning as varieties of speech and text are two parallel ways to deploy the pre-predicative content of internal speech. The ambiguity of these paths is due to the nature of their reference to the two attributes of substance: extension and thought, correspondingly. However, traditional scientific and applied classifications distinguish three types of speech and text: narrative, reasoning, and description. In this regard, the system position of the text-description remains unclear, although the importance of it is especially obvious when studying works of fiction. Literary typology usually opposes description to narrative by the criterion of statics or dynamics, correspondingly.

The article proposes to consider the description as an eventless kind of speech, in this capacity opposing both eventual narrative and mentative. In addition, it is noted that the description is eidetic, as opposed to the logical narrative and the mentative. So the threefold opposition of speech and text varieties is asymmetric. In this approach, the description constitute itself as a “zero degree of the story”, as a “different”, relative to which other ways of constructing speech and text insist themselves.

The recognition of eventlessness as the most important characteristic of a description makes it possible to distinguish it from ecphrasis, which always carries an element of eventuality. A pure description is a linguistic construct rather than an empirical datum. It occurs only in a very narrow thematic and syntactic range of statements. These are nominatives and similar structures that point to the phenomena of the natural series. Every description of an artifact tends to be ecphrastic, as evidenced by the multiplication of the revealed varieties of ecphrasis in recent studies. In addition, in practice, description is usually inseparable from narrative or reasoning. Therefore, the barthesian formula of “zero degree” corresponds to both abstract conditionality and theoretical primacy of the description as a simple substance of speech.

Key terms: speech, text, description, asymmetric opposition, ecphrasis, statics, eventless, eidetic.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-143-151

Reference literature (in transliteration):

Bartes R. Nulevaya stepen’ pis’ma [Zero degree of writing]. Moscow, 2008, 431 p. (in Russ.)

Genette G. *Figury* [Figures]. In 2 vols. Moscow, 1998, vol. 1, 470 p. (in Russ.)

Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, 1999, 398 p. (in Russ.)

Kuznetsov I. V. Concept as a “motive” for theoretical discourse. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2019, no. 1, p. 80–86. (in Russ.)

Lessing G. E. *Laokoon, ili O granitsakh zhivopisi i poezii* [Laocoon, or On the boundaries of painting and poetry]. Moscow, 1957, 517 p. (in Russ.)

Losev A. F. *Bytie – imya – kosmos* [Being – Name – Cosmos]. Moscow, 1993, 958 p. (in Russ.)

Maksimova N. V. “Chuzhaya rech” kak kommunikativnaya strategiya [“Alien speech” as communicative strategy]. Moscow, 2005, 317 p. (in Russ.)

Nechaeva O. A. *Funktional'no-smyslovye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie)* [Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning)]. Ulan-Ude, 1974, 261 p. (in Russ.)

Niqueux M. Tipologiya ekfrasisa v “Zhizni Klima Samgina” M. Gor'kogo [Typology of ecphrasis in the “Life of Klim Samgin” by M. Gorky]. In: *Ekfrasis v russkoy literature: Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ecphrasis in Russian literature: proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, 2002, p. 123–134. (in Russ.)

Shatin Yu. V. *Ozhivshie kartiny: ekfrazis i diegezis* [Revived paintings: ecphrasis and diegesis]. *Critique and Semiotics*, 2004, no. 7, p. 217–226. (in Russ.)

Spinoza B. *Etika, dokazannaya v geometricheskom poryadke* [Ethics, proven in geometric order]. Moscow, 1911, 384 p. (in Russ.)

Teoriya literatury [Theory of literature]: In 2 vols. Ed. by N. Tamarchenko. Moscow, 2004. (in Russ.)

Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow, Leningrad, 1927, 235 p. (in Russ.)

Trosheva T. B. *Funktional'no-smyslovye tipy rechi* [Functional-semantic types of speech]. In: *Effektivnoe rechevoe obshchenie: bazovye kompetentsii* [Effective speech communication: basic competences]. Dictionary. Electronic edition. Krasnoyarsk, 2014, p. 726–727. (in Russ.)

Tyupa V. I. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu* [Introduction to comparative narratology]. Moscow, 2016, 145 p. (in Russ.)

Vvedenie v literaturovedenie: literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy [Introduction to literary studies: literary work: basic concepts and terms]. Ed. by L. Chernets. Moscow, 2000, 556 p. (in Russ.)

Yatsenko E. V. “Lyubite zhivopis’, poety...” Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model’ [“Like painting, poets...” ekphrasis as an artistic and philosophical model]. *Questions of Philosophy*, 2011, no. 11, p. 47–57. (in Russ.)